

РУССКИЕ ИДУТ? СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЧЕХИИ: ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Русские и русскоязычное население Чехии представляют собой небольшую, относительно недавнюю и все еще формирующуюся группу. Ее образуют выходцы из России и других бывших советских республик. Поток российских переселенцев в Чехию не был массовым ни в послесоветские десятилетия, ни тем более теперь, когда Евросоюз применяет жесткие антироссийские санкции. В последние годы русскоязычная Чехия более пополняется гражданами других постсоветских государств. Стараясь привлечь в свои пределы молодых трудоспособных высококвалифицированных работников и, ожидая, что те станут выгодными налогоплательщиками, Чехия не спешит признавать за ними полные гражданские права. В то же время, благодаря своей мотивации, образовательной и профессиональной подготовке, умению преодолевать межкультурные и языковые различия, русские в этой стране зачастую превосходят другие переселенческие группы по экономическому и социальному положению, а по некоторым параметрам опережают и местное население. При общей небольшой численности, официально оцениваемой в Чехии десятками тысяч человек (по нашим оценкам, порядка 100 тыс.), русские и русскоязычное меньшинство рассредоточены по всем крупным и средним агломерациям. Это объясняет, почему невозможно получить о них адекватное представление на основе одних только интервью и выборочных опросов. Чехия отличается от многих европейских стран скрупулезной государственной статистикой, анализ которой дает возможность оценить не только фактическую численность, но и выявить уровень образованности, масштабы вовлеченности в производительные виды труда, понять этнокультурные, языковые и гражданские ориентиры этой группы населения. В самой Чехии проблема русского присутствия остается малоизученной. Анализ итогов новой государственной переписи, проведенной в этой стране, убеждает, что демографические и кадровые утраты России, произошедшие в первые послесоветские десятилетия, должны стать предостережением и послужить гарантией от повторных промахов в деле совершенствования отечественной политики поддержки человеческого потенциала.

Ключевые слова: русские в Чехии, переписи населения, этнокультурная идентичность, языковая идентичность, миграция, демография, социальная структура

Ссылка при цитировании: Степанов В. В. Русские идут? Статистический опыт Чехии: образование и социальный портрет // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 243–262.

Степанов Валерий Владимирович — к. и. н. ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: ewarn@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН по теме «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006).

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/243-262

Original article

© Valery Stepanov

ARE THE RUSSIANS COMING? STATISTICAL EVIDENCE FROM THE CZECH REPUBLIC: EDUCATION AND SOCIAL PROFILE

The Russian and Russian-speaking population in the Czech Republic constitutes a small, relatively recent, and still evolving community. It is composed of migrants from Russia and other former Soviet republics. The influx of Russian settlers to the Czech Republic has never been massive, neither in the post-Soviet decades nor, even less so, now, as the European Union enforces strict anti-Russian sanctions. In recent years, the Russian-speaking population of the Czech Republic has grown primarily through an influx of citizens from other post-Soviet countries. Although the Czech Republic seeks to attract young, highly skilled professionals in the hope of securing a reliable tax base, it remains reluctant to grant them full civil rights. Nevertheless, driven by strong motivation, solid educational and professional credentials, and an aptitude for navigating cultural and linguistic differences, Russians in the country often enjoy a higher economic and social standing than other migrant groups, and in some metrics, even outpace the local population. Despite their relatively small total number—officially estimated at tens of thousands in the Czech Republic (though our own estimates suggest around 100,000)—the Russian and Russian-speaking minority is dispersed across all major and mid-sized urban areas. This makes it impossible to gain an accurate understanding of this group based solely on interviews and selective surveys. The Czech Republic stands out from many European countries with its meticulous state statistics. The analysis of these statistics makes it possible not only to estimate the actual population size, but also to determine educational levels, the extent of involvement in productive labor, and to understand the ethnocultural, linguistic, and civic orientations of this demographic group. Within the Czech Republic itself, the issue of the Russian presence remains understudied. An analysis of the results of the recent national census conducted in the country confirms that the demographic and human capital losses suffered by Russia in the first post-Soviet decades should serve as a warning and a safeguard against repeating past mistakes in refining domestic policies to support human potential.

Keywords: *Russians in the Czech Republic, population censuses, ethnocultural identity, linguistic identity, migration, demography, social structure*

Author Info: Stepanov, Valery V. — Ph.D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: eawarn@mail.ru

For citation: Stepanov, V. V. 2026. Are the Russians Coming? Statistical Evidence from the Czech Republic: Education and Social Profile. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 243–262.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. Project “The Russian People: Traditions, Values, and the Image of the Future” (code: FMNU-2026-0006).

Образование

Русские в Чехии выделяются высоким уровнем образования. По стране в целом, согласно переписи 2021 г., высшее образование имеется у 19% населения старше 14 лет, и это считается значительным показателем. В свою очередь, у проживающих в Чехии русских высшее образование в той же возрастной категории имеется более чем у половины — 53% (Tab. SLD21SP005x/4). Среди других выходцев из бывшего СССР столь высокий уровень образования зафиксирован в Чехии только у белорусов — 45% (у украинцев 26%, немцев 23%, молдаван 17%). Среднее и старшее поколения переселенцев, а также часть молодежи получили высшее образование у себя на родине — в России, Белоруссии, на Украине, в Казахстане, Молдавии. Но немалое число молодежи получило вузовское обучение в самой Чехии.

Из числа лиц старше 14 лет полное среднее образование имеет четверть русского населения Чехии. Оценивая образовательную структуру в целом, следует обратить внимание, что русские в Чехии отличаются от других выходцев из постсоветских государств почти полным отсутствием лиц без образования. Также в их среде среди взрослого населения гораздо меньше имеющих только начальное образование — 4% (против 10%), либо имеющих неполное среднее образование — 5% (против 24%). По этим параметрам русские выделяются еще больше на фоне всего населения Чехии.

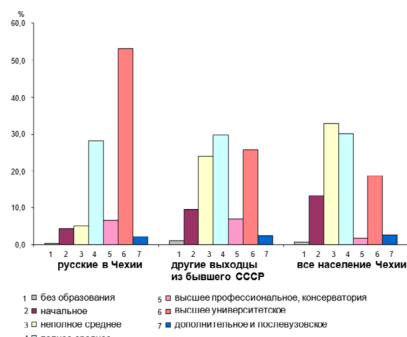

Рис. 1. Образовательный состав русского населения Чехии в сопоставлении с другими группами населения, в % от численности лиц старше 14 лет, перепись 2021 г.

Таблица 4

Уровень образования русского населения Чехии, в % от численности лиц старше 14 лет, перепись 2021 г.

	русские в Чехии			другие выходцы из бывшего СССР	все население Чехии
	все	мужчины	женщины		
без образования	0,4	0,5	0,4	1,2	0,7
начальное	4,3	5,5	3,5	9,7	13,3
неполное среднее	5,2	6,7	4,2	23,9	32,9
полное среднее	28,0	29,3	27,2	29,8	30,0
высшее профессиональное, консерватория	6,8	6,4	7,1	7,0	1,7
высшее университетское	53,0	49,1	55,7	25,8	18,7
дополнительное и послевузовское	2,2	2,5	2,0	2,6	2,8
научная степень	2,3	2,9	2,0	1,7	0,9

Вместе с тем, между собой русские мало различаются по уровню образования в зависимости от пола. В удельном отношении незначительно больше мужчин имеет только начальное или неполное среднее образование. Женщины несколько чаще, чем мужчины получают высшее образование, но те и другие примерно в равной мере добиваются ученой степени, либо уже имеют степень до переезда в Чехию.

Таблица 5

Наличие высшего образования у русского населения Чехии в местах преимущественного проживания, в % от численности лиц старше 14 лет, перепись 2021 г.

	русские	все население (для сравнения)
г. Прага	58,1	35,9
горпоселения р-на Прага-Запад	59,6	29,2
горпоселения р-на Прага-Восток	56,8	26,4
г. Карловы Вары	48,7	12,7
г. Пльзень	36,5	22,5
г. Усти-над-Лабем	37,6	14,4
г. Теплице	44,2	11,1
г. Хомутов	23,7	9,9
г. Ческе-Будеёвице	45,8	21,2
г. Либерец	37,5	16,9
г. Градец-Кралове	43,5	20,3
г. Брно	48,2	33,6
г. Оломоуц	50,0	20,7
г. Острава	46,7	20,0
г. Пардубице	46,1	18,8
г. Йиглава	39,0	14,6
г. Злин	47,5	18,3

Высокий уровень образования русского населения наблюдается не в какой-то одной местности Чехии и не в расположении какого-либо одного университета или крупного промышленного предприятия, а буквально повсеместно. В районах их массового расселения отмечается и наибольший удельный вес лиц с высшим образованием. Соответственно, особенно много высокообразованных в Праге и столичных предместьях (до 60% от числа проживающих там русских), в западной части страны, в частности, в г. Карловы Вары (до 50%), в восточных агломерациях, возглавляемых городами Брно (48%) и Острава (47%). Даже в таких городах, как Злин и Пардубице, которые менее населены русскими, в их среде доля лиц, имеющих высшее образование, остается очень большой (приближается к 50%). Переписная статистика показывает, что практически во всех городах, где русские проживают более-менее массово, их уровень образования в полтора — два раза превосходит уровень местного населения. В городах Усти-над-Лабем, Пардубице, Злин удельный вес с высшим образованием у русских превосходит показатель местного населения в два с половиной раза, а в курортных городах Теплице и Карловых Варах — даже в четыре раза. Повсеместно высокий уровень свидетельствует, что большинство русских прибыло в Чехию с уже полученным образованием. Такая статистка ярко иллюстрирует ситуацию утечки мозгов и специалистов из постсоветских государств, в том числе из России.

Часть молодежи из числа русских проходит обучение в Чехии, получая среднее специальное и высшее образование. За вычетом количества детей младше 15 лет, учащиеся колледжей и студенты вузов составляют среди русского населения 28%. Аналогичный показатель для всего населения Чехии заметно ниже, равняется лишь 16%, а среди остальных выходцев из постсоветских государств показатель еще ниже — 14%.

Занятость и занятия

В условиях чешского рынка труда интенсивная образовательная стратегия скаывается на не самых высоких показателях участия русского населения. Хотя параллельно с учебой трудится 28% русских учащихся и студентов, и это один из самых высоких уровней студенческой занятости в Чехии (показатель занятости всех студентов страны составляет лишь 14%, а студентов из числа других выходцев из постсоветских государств — 19%), тем не менее, большинство русских студентов не претендует на рабочие места. Поскольку численность неработающих русских студентов большая, и статистика выводит их за рамки трудовых ресурсов, получается, что уровень участия русского населения в рабочей силе Чехии ниже, чем у других выходцев из постсоветских государств. Из общего числа русских участвуют в рабочей силе, т. е. трудятся или готовы трудиться 62%. У других выходцев из постсоветских государств этот показатель составляет 72%, в т. ч. у проживающих в Чехии молдаван — 71%, белорусов — 73%, украинцев — 78%. Вместе с тем, уровень участия русских оказывается выше в сравнении с большинством местного населения, в т. ч. сравнительно с чехами (54%). Очевидно, что, по мере завершения молодежью своей учебы, вовлеченность русского населения в рынки труда будет повышаться. Другой вопрос, захотят ли молодые специалисты оставаться жить и работать в этой стране.

Имея высокий уровень образования, русские проявляют высокую активность в конкурентных секторах экономики, связанных с инженерными, компьютерными, научно-техническими, медицинскими и другими специальностями. Но они не готовы массово осваивать низкоквалифицированные виды труда, не стремятся занимать вакансии, ориентированные на сельскохозяйственное производство, хотя это и востребовано на рынке рабочей силы. Как известно, готовность к рабочим профессиям основывается на среднем общем (в т. ч. неполном) и среднем профессиональном образовании. Среди русских Чехии лица с этим образованием составляют около трети, а среди местных украинцев таковых две трети, среди молдаван — более половины. Соответственно, русские в Чехии неизбежно сталкиваются с относительно меньшими возможностями занятости.

Во время переписи 2021 г. не по самооценке, а по вспомогательным административным данным осуществлялся подсчет занятого и незанятого населения. К категории безработных (с вынужденным отсутствием занятости) были причислены 5,3% русских Чехии. Эта доля подсчитывается от числа русских, участвующих в рабочей силе (за вычетом численности неработающих пенсионеров, неработающих учащихся и студентов и нек. др. (Scitani lidu 2021: 73)). В то же время в целом по стране показатель вынужденной незанятости находился на уровне 5,0%, а среди других выходцев из постсоветских государств — на уровне 3,9%. Из прочих переселенческих групп характерен пример проживающих в Чехии вьетнамцев — в этой стране они сопоставимы с русскими по численности, но их образовательный уровень намного

ниже, они готовы заниматься неквалифицированным трудом и в итоге характеризуются меньшими показателями безработицы (4,9%) (Tab. SLD21SP005x/4).

Таблица 6

Вынужденное отсутствие занятости у русского населения Чехии, в т. ч. в местах преимущественного проживания, в % среди лиц данной группы, участвующих в рабочей силе, перепись 2021 г.

	русские	другие выходцы из бывшего СССР	все население Чехии
Чехия	5,3	3,9	5,0
г. Прага	4,9	5,0	4,4
горпоселения р-на Прага-Запад	5,0	4,3	3,6
горпоселения р-на Прага-Восток	3,9	3,7	3,3
г. Карловы Вары	12,0	8,8	8,6
г. Пльзень	1,6	2,9	4,2
г. Усти-над-Лабем	7,9	3,7	8,2
г. Теплице	5,9	4,6	7,9
г. Хомутов	4,2	2,8	8,6
г. Ческе-Будеёвице	7,1	3,1	3,7
г. Либерец	6,2	3,8	5,4
г. Градец-Кралове	5,2	3,4	3,9
г. Брно	4,7	3,9	5,2
г. Оломоуц	4,4	4,4	4,6
г. Острава	5,3	3,5	8,3
г. Пардубице	3,3	2,2	3,8
г. Йиглава	9,8	2,5	3,4
г. Злин	8,8	2,2	3,7

Вместе с тем, мужчины из числа русских, чувствуют себя на рынке труда более уверенно, чем женщины. Только 3,7% мужчин во время переписи вынужденно не имели работы, а среди женщин этот показатель оказался заметно выше — 6,6%. При этом у всего населения Чехии среди мужчин вынужденная незанятость в сравнении с русскими составила несколько большую величину 4,7%, а среди женщин — явно меньшую 5,5%. Еще успешнее на рынке труда оказались мужчины из числа других выходцев из постсоветских государств — среди них незанятость составила только 2,4%. Женская безработица в их среде находилась на уровне 5,9%. Наряду с другими причинами, меньшая занятость женщин отчасти связана с высоким уровнем образования.

Учитывая лучшую занятость мужчин, следует полагать, что общая безработица среди русского населения Чехии может быть немного ниже, чем показывают цифры переписи. Напомним, в переписи в отношении части мужчин не учтена этническая принадлежность, и соответствующие сведения о их занятости не включены в официальные итоги применительно к русскому населению.

Высокий уровень образования и соответствующие притязания на рынке труда приводят к тому, что во многих регионах Чехии безработица среди русских оказывается

несколько выше или заметно выше, чем у остального населения. Безработица особенно заметна в западной Чехии в городах Карловы Вары, Либерец и Ческе-Будеёвице, а в восточной Чехии — в городах Йиглава и Злин. Между тем, в наиболее конкурентных условиях, прежде всего, в столичной Праге, где специалисты высшей квалификации как раз востребованы, показатель безработицы среди русских лишь немного выше, чем у местных жителей, и этот показатель лучше, чем у других выходцев из постсоветских государств. Кроме того, в ряде мест массового расселения русских, особенно, где нужны специалисты в компьютерной сфере, промышленной инженерии, медицине, пищевкусовой индустрии, показатели безработицы русских оказываются даже ниже, чем у местного населения. В западной Чехии это можно видеть в городах Усти-над-Лабем, Теплице, Хомутов, Пльзень, а в восточной Чехии — в крупнейших агломерациях Брно и Острава и городах Пардубице и Оломоуц. Правда, в сравнении с другими выходцами из постсоветских государств показатели безработицы у русских оказываются лучше только в Праге и Пльзене. Довольно острая конкуренция на рынке рабочей силы, причем как в центральных, так и периферийных регионах Чехии, очевидно служит стимулом для поиска приложения труда за пределами этой страны, причем не только в государствах Западной Европы или США, но и в России.

Бытует мнение, причем не только в России, но и в самой Чехии, что чуть ли не все, кто перебрался в эту страну из бывших советских республик, особенно из Российской Федерации, — сплошь богачи и предприниматели. Даже организуются «исследования» для выяснения, сколько русских обосновалось на чешских курортах и какова у них недвижимость, см. об этом: (*Pipková, Salačová* 2009: 8–12; *Земанек* 2022–2: 64). Также и чешские ученые усматривают признаки процветания русских в Чехии, указывая на большое количество учрежденных ими коммерческих организаций (в сфере торговли, услуг, операций с недвижимостью) (*Vavrečková, Dobiášová* 2015: 68). Но действительность несколько иная. По официальной статистике, так называемые «лица со своим собственным источником дохода», исчисляются лишь десятками и несколькими сотнями человек: среди русского населения Чехии они составляют 0,9%, среди остальных выходцев из постсоветских государств — 0,2%. Имеется также категория бизнесменов, они в статистике проходят как «работодатели» — таковых среди русских в Чехии насчитывается менее сотни персон, а из прочих соотечественников переписью учтено менее трехсот человек (Tab. SLD-21SP005x/4). Основная же масса людей, прибывших в Чехию, работает по найму. Среди здешних русских, помимо детей, пенсионеров (тех, кто не работает), а также неработающих учащихся, студентов и домохозяек, находящихся в отпуске по уходу за малолетними детьми, все остальные в основном трудятся, зарабатывая на жизнь. Из них работают по найму, т. е. являются сотрудниками предприятий и организаций, 84%. Это такой же вариант занятости, что и у основного населения Чехии. Кроме них, еще 15,8% работающих русских приходится на самозанятых, они фигурируют в чешской статистике, как «лица, работающие за свой счет». По удельному весу этих самозанятых русские тоже практически не отличаются от общего показателя по стране (который составляет 15%). Примечательно, что другие выходцы из постсоветских государств даже более вовлечены в самозанятость: украинцы — на 18%, молдаване — 21%. А что касается так называемых работодателей, они составляют среди русских всего лишь 0,2%, в то время как среди основного населения (чехов) — 1,2%, среди выходцев из постсоветских государств (помимо русских) — 0,4%.

По направлениям экономической деятельности русские в Чехии существенно отличаются от других групп населения. Их очевидные предпочтения — занятость в сфере промышленного производства, научной и научно-технической деятельности, IT-индустрии, торговле, ремонте и техобслуживании автотранспорта. Этими видами труда предпочитает заниматься более половины работающих русских. Еще треть занята транспортными перевозками, работает в сфере медицины, социального обеспечения, образования, гостиничном бизнесе и общественном питании, в строительной индустрии, а также в области менеджмента и логистики. Менее десятой доли занято в финансовом секторе, либо занимается недвижимостью. Несколько процентов зарабатывает на жизнь в креативной индустрии, культурной, развлекательной и рекреационной сферах. В то же время сельское и лесное хозяйство привлекает менее одного процента русских. Также крайне мало желающих работать в жилищно-коммунальном хозяйстве, на электрических и газовых сетях, в теплоснабжении, водообеспечении. Подчеркнем, наиболее заметное отличие от других групп населения проявляется в значительном участии русских в научной и научно-производственной деятельности, а также в области развития и использования компьютерных технологий.

Таблица 7

Структура занятости русского населения Чехии по видам экономической деятельности, в %, перепись 2021 г.

	русские	другие выходцы из бывшего СССР	все население Чехии
Промышленность	14,9	32,8	24,5
IT-индустрии	14,3	3,3	4,0
Торговля, ремонт и техобслуживание автотранспорта	12,0	8,2	11,2
Научная и научно-техническая деятельность	11,2	3,5	5,3
Менеджмент	8,4	7,8	4,3
Транспорт и перевозки	5,8	6,4	6,1
Здравоохранение и социальное обеспечение	4,8	4,7	7,8
Гостиничное хозяйство, общественное питание	4,8	4,0	3,6
Образование	4,2	2,2	6,9
Строительство	4,2	16,5	6,9
Финансы	3,4	1,1	2,2
Недвижимость	3,3	0,6	0,7
Культурно-развлекательная и рекреационная деятельность	2,6	0,9	1,8
Госуправление, оборона	0,8	1,1	6,1
Сельское и лесное хозяйство	0,7	2,7	3,2
Деятельность домохозяйств	0,6	0,9	0,3
Добыча полезных ископаемых	0,4	0,5	0,6
Электро-, газо-, теплоснабжение	0,3	0,6	1,3
Водоснабжение	0,2	0,5	1,1
прочее	3,1	1,7	2,1

В свою очередь, для основного населения Чехии в качестве источника средств к существованию приоритетом является труд на промышленном производстве, в торговле, здравоохранении и строительстве. Кроме того, существенными источниками являются работа на транспорте, в сфере образования, а также деятельность в государственном управлении и обороне. Научная же и IT-деятельность занимает лишь третье место по значению. Культурной сферой занята гораздо меньшая часть населения в сравнении с русскими. То же касается сферы недвижимости и финансового сектора.

Другие выходцы из постсоветских государств сосредоточены на промышленных производствах, в строительстве и торговле. По уровню занятости в промышленной сфере и строительстве они в разы превосходят русских и существенно превосходят местное население. Иные виды деятельности — работа на транспорте, гостиничное дело, общепит и работа в здравоохранении — также весьма распространены в их среде. Однако участие в научных, научно-технических и компьютерных разработках в разы меньше, чем у русских по удельному весу занятых. Также они реже заняты в сфере образования, финансах, операциях с недвижимостью, менее вовлечены в культурную и досуговую деятельность. Гораздо чаще, чем русские, они заняты в сельскохозяйственном производстве.

Уровень образования, профессиональная квалификация и структура занятости русских дают возможность в целом успешно конкурировать за более оплачиваемые рабочие места. Хотя переписные сведения не содержат информации на сей счет, подтверждение можно найти в текущей статистике, например, о заработной плате сотрудников государственных, муниципальных и коммерческих организаций. Такие данные, конечно, не представлены по этнической принадлежности, но имеются сведения о зарплате работников по категориям гражданства. Согласно отчетности за 2024 г., при среднем уровне месячной оплаты труда в Чехии на уровне 49 тыс. чешских крон, работающие в этой стране граждане РФ ежемесячно получали в среднем 56 тыс. крон. При этом как в низкооплачиваемых, так и высокооплачиваемых группах населения они находились в составе лидеров по объему получаемых выплат (Cizinci 2025: tab. 3.14).

Среди русских имеются некоторые различия по направлениям занятости мужчин и женщин. Мужчины чаще трудятся в сфере компьютерных технологий и программирования, в большей мере заняты в промышленном производстве, на транспортных перевозках, в техобслуживании и строительстве. Женщины активнее вовлечены в научную деятельность, торговлю, администрирование, здравоохранение, образование, турбизнес, они более заметны в культурной сфере и финансовом секторе, а в коммерции по операциям с недвижимостью участвуют наравне с мужчинами.

В столичной Праге более половины русских занято в IT-индустрии, научных и технологических разработках, а также в сфере торговли, менеджмента, обслуживания автотранспорта. Пятая часть работает в промышленности, занимается транспортными перевозками и логистикой, гостиничным и ресторанным бизнесом, финансами. Во всех этих секторах не менее активно проявляет себя и местное население, поэтому в Праге наблюдается высокая конкуренция за рабочие места. Тем не менее, проживающие в чешской столице русские оказываются довольно успешными работниками. Они намного опережают другие группы населения по уровню участия в компьютерных разработках — в этой профессиональной нише из них занято 19%, тогда как из числа местных жителей аналогичным трудом охвачено 10%, а среди других приезжих из постсоветских государств — только 6%.

По уровню участия в IT-индустрии русские лидируют не только в Праге, но и во всей столичной агломерации, включая примыкающие районы Прага-Запад и Прага-Восток. Лидируют и почти во всех крупных и средних городах Чехии. Особенно русские выделяются долей занятых в компьютерной индустрии в таких городах как Брно (21%), Острава и даже в небольшом по населению г. Йиглава (адм. центр Высочинского края).

Также опережающее участие русских наблюдается в занятиях научными и научно-техническими разработками. Среди проживающих в Праге русских этими разработками занято 14%, а среди прочих столичных жителей — 12%, из числа других выходцев из постсоветских государств — 6%. Опережающее научное участие русских наблюдается и в районах, прилегающих к столице, а также в городах Ческе-Будеёвице (Южночешский университет), Либереце (исследования в области нанотехнологий), Оломоуце, Остраве, Злине и вообще буквально повсеместно. Лишь в городах Брно, Усти-над-Лабем и Карловых Варах сложился как бы паритет с местным населением, а в Пльзене уровень участия местных жителей остается несколько выше.

Уместно сказать о занятости русских в сфере образования. В основном это высшее образование, которое сближается с наукой и зачастую является ее продолжением. Напомним, среди русского населения Чехии наибольшее участие в сфере образования принимают женщины. Из них педагогической деятельностью занято более 6%. Среди мужчин педагогами являются менее 2%.

В разных регионах Чехии вузовская деятельность русских получила довольно широкое распространение, причем по многим техническим дисциплинам, а также в медицине, лингвистике, страноведении, включая обучение русскому языку, литературе, истории, культуре, политологии, экономике и прочему в русле т. н. Russian Studies. В Чехии изучение русского языка в качестве второго иностранного (наряду с английским) практиковалось на протяжении многих лет, причем в обычных школах его изучали десятки тысяч чешских школьников (*Гранатова, Барышникова* 2012: 123), для этого разрабатывались и совершенствовались учебники (*Розбодова* и др. 2019: 94–98). К 2019 г. русский язык осваивали учащиеся почти всех чешских гимназий, его также преподавали студентам университетов в Праге, Брно, Остраве, Оломоуце, Пльзене, Ческе-Будеёвице, Градце-Кралове (*Чеснокова, Чесноков* 2019: 215–217).

Результаты чешской переписи дают представление о ситуации на 2021 г., т. е. до введения Евросоюзом крайне жестких антироссийских санкций, направленных не только на прекращение экономических отношений с Россией, но и «отмену» (запрет) российской культуры в европейских странах. Но и в условиях «отмены» в чешских университетах продолжается, хотя и не без корректировки, изучение русского языка и дисциплин, связанных со знаниями о России. Чешские педагоги в своих публикациях сообщают, что русскому языку и на русском языке продолжают обучаться студенты из Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Украины, причем не только с родным или «унаследованным» русским языком, но и другие (чехи), для кого это иностранный язык (*Пешкова, Джинджолия* 2025: 295).

Согласно указанной переписи, наибольший удельный вес педагогов в составе русских, порядка 6–10%, наблюдается в восточных регионах страны — в городах Оломоуц (13%, где расположен Университет Палацкого, один из старейших университетов Чехии), Острава (Технический университет), Брно (Масариков университет, один из крупнейших в стране), Злин (Университет Томаша Бати), Пардубице. Сход-

ная, немного меньшая доля педагогов в структуре занятых отмечается у русских в западной и центральной Чехии — в городах Градец-Кралове (12%), Усти-над-Лабем (Университет Яна Пуркине), Либерец, Хомутов, Ческе-Будеёвице, а также в соседнем со столицей районе Прага-Запад.

Необходимо упомянуть и о широко известной деятельности русских в Чехии на поприще медицины и здравоохранения. В этой сфере участие женщин в качестве медицинских работников особенно заметно — 7%; среди мужчин доля занятых не превышает 3%. Русские врачи и иной медицинский персонал задействованы на бальнеологических курортах и в городах западной Чехии, таких как Карловы Вары, Теплице, Хомутов, Пльзень, Градец-Кралове, Усти-над-Лабем, причем особенно там, где развиты коммерческие услуги т. н. лечебного туризма (салоны красоты, институты эстетической медицины, бьюти клиники, гастроцентры, курсы лечебной гимнастики и др.). Такого рода деятельность практикуют порядка 7–10% проживающих там русских. Аналогичная доля представлена и в медицинской сфере некоторых восточно-чешских городов — Остраве, Йиглаве, Пардубице. Вместе с тем, в крупнейших городах Праге и Брно получить работу по медицинскому профилю намного сложнее, поэтому в этих мегаполисах мера участия русских врачей и медсестер оказывается заметно ниже.

Что касается промышленного производства, уровень участия русских в этой сфере, хотя и традиционно высокий, но не самый значительный в сравнении с другими выходами из постсоветских государств. Массовая занятость русских в промышленности характерна для рынка рабочей силы городов Пльзень, Либерец, Пардубице, Злин, а также малых городов Хомутов и Йиглава. В каждом из них среди местных русских занято на промышленных объектах по 30–40% и более. Во многих других городах в промышленной сфере трудится около 20% проживающих там русских — в западной и центральной Чехии это города Усти-над-Лабем, Теплице, Градец-Кралове, Ческе-Будеёвице, а в восточной части — города Оломоуц и Острава. Однако в крупнейших агломерациях Праги и Брно, а также в курортном г. Карловы Вары участие русских в промышленном секторе остается на довольно низком уровне, порядка десятой доли и менее.

Законопослушность

Европейский миграционный кризис, которым западные СМИ регулярно пугают местного обывателя, сопряжен с ростом социальной нагрузки на страны приема и риском обострения криминогенной обстановки. Однако подобные проблемы не связаны с мигрантами из России. Уместно привести объективную статистику правонарушений из отчетности Минюста Чехии по сведениям прокуратур и судов. Для получения удельных показателей эти данные, в разбивке по гражданству правонарушителей, можно соотнести с численностью граждан из соответствующих стран, находящихся на территории Чехии. Сопоставление за 2024 г. показывает, что в расчете на каждую тысячу всех иностранных граждан в Чехии в судебном производстве состояло или было завершено 11 судебных дел (начатых следствий, выдвинутых обвинений, вынесенных приговоров). При этом в отношении граждан из постсоветских государств этот показатель был ниже — 8 судебных дел на каждую тысячу. Однако по конкретной гражданской принадлежности статистика фигурантов судебных дел заметно различается. Наибольшее удельное количество правонарушений зафиксировано в указанный период у граждан Грузии (94 с. д. в расчете на 1 тыс. проживающих в Чехии), Литвы

и Латвии (по 39 с. д.), Молдовы (47 с. д.) и Узбекистана (20 с. д.). В то же время минимальные показатели зафиксированы у граждан Украины (7 с. д.), Казахстана (7 с. д.), Беларуси (6 с. д.) и России (5 с. д.) (Cizinci 2025: tab. 5.1).

Законопослушность россиян проявляется и в сравнительно малом количестве административных нарушений, особенно, связанных с режимом пребывания в стране. В этом отношении примечательна статистика административных выдворений из Чехии. По данным Управления службы по делам иностранцев Чешской Республики, за более чем двадцатилетний период с 2012 г. по 2024 г. среди административно выдворенных из страны лиц, имеющих гражданство постсоветских государств, на граждан РФ пришлось менее 3%, в т. ч. за период с 2022 г. по 2024 г. — 2%. В то же время большинство выдворенных — граждане Украины, Молдовы, Узбекистана и Грузии (Cizinci 2025: tab. 7.5). Эксперты отмечали, что в 2000-е и 2010-е гг. граждане этих государств активно участвовали в нелегальной трудовой миграции в Чехию. Особенно указывали на проблему трудовых мигрантов из Украины, посещавших Чехию сезонно в целях нелегального заработка (Четверикова 2015: 54).

Студенческий фактор

Вузовская учеба в Чехии является мощным средством привлечения молодых иностранцев как в саму страну, так и страны Евросоюза. Можно сказать, Чехия этим зарабатывает на европейском рынке труда. Она тратит на привлечение и обучение студентов значительные собственные бюджетные средства, но и получает соответствующую поддержку от ЕС. По сути, за последние десятилетия Чехия стала для европейской экономики поставщиком высококвалифицированных кадров. В стране действует большое количество университетов, многие имеют вековые традиции, но есть вузы совершенно новые. Большинство вузов находится на государственном обеспечении, и поэтому обучение в них бесплатное даже для иностранцев. Единственное условие — нужно обучаться на чешском языке, а при желании проходить обучение на другом языке (как правило, английском) нужно платить. Для лучших студентов из числа иностранных граждан предусмотрена немалая стипендия. Только по определенным специальностям, таким как биология, информационные технологии, банковское дело, конкурс на поступление в вузы высокий. Но на многие технические специальности конкурс низкий, а в некоторые вузы поступление осуществляется вообще без экзаменов. Даже крупнейшие университеты объявляли о приеме без вступительных экзаменов, например, физико-математический факультет Карлова Университета в Праге. То же при поступлении на педагогические и языковые направления. В подобных случаях наряду с документами о получении школьного образования требуется лишь сертификат о знании чешского языка. Русскоязычные абитуриенты обычно достигают нужного уровня владения чешским языком за год или быстрее — для этого предусмотрены подготовительные курсы. Соответствующие услуги обычно требуют оплаты, в ряде случаев осуществляются онлайн, но их стоимость для многих абитуриентов оказывается доступной и не препятствует поступлению в чешский вуз.

В период учебы у иностранных студентов при хорошей учебе имеется возможность обучаться по обмену в других европейских странах и в США. До введения Евросоюзом жестких антироссийских санкций большое количество российских вузов обменивалось студентами с чешскими вузами, действовали специальные

партнерские программы, проводились стажировки, можно было получить двойной диплом о высшем образовании.

Существенным средством привлечения студентов в Чехию являются возможности трудоустройства. В отличие от ряда других европейских государств, в Чехии студенты имеют право работать наряду с учебой, а иностранным студентам разрешено работать по студенческой визе. Кроме того, студент имеет право не платить подоходный налог. По завершении вузовского обучения выпускники получают документы об образовании, которые действуют на всей территории Евросоюза, причем во многих странах этих документов достаточно при устройстве на работу, и не требуется подтверждать свою квалификацию.

Хотя в самой Чехии действует принцип приоритетности трудоустройства собственных граждан, иностранец, получивший диплом чешского университета, на 9 месяцев приравнивается к чешским гражданам и трудоустраивается с ними на равных. Более того, местные и зарубежные компании с большей охотой принимают на работу выпускников-иностранцев, поскольку считается, что у таких специалистов имеются знания иностранных языков, навыки межкультурной коммуникации и высокая мотивация на исполнение обязанностей.

В результате внедрения чешской образовательной политики количество студентов из постсоветских государств в вузах этой страны непрерывно росло в течение десятилетий. В 2015 г. обучение проходило свыше 10 тыс. чел., а по прошествии пяти лет количество увеличилось в 1,5 раза. Рост продолжился даже в годы пандемии ковида. В 2021 г. студентов уже насчитывалось 17 тыс. Из них наибольшую долю составляли студенты из России — 47%. На студентов с гражданством Украины приходилось 26%, Казахстана — 15%, Беларуси — 6%, Азербайджана, Киргизии — по 2%, Узбекистана и Грузии — примерно по 1% (Cizinci 2025: tab. 4.15). В разных вузах Чехии в целях привлечения русскоязычных студентов открывались бакалаврские и магистерские программы на русском языке.

На протяжении двух десятилетий активного притока студентов именно российские студенты были самыми многочисленными. В 2015 г. их насчитывалось в Чехии 5,7 тыс. чел. и доля превышала половину всего потока из постсоветских государств. В последующие годы, хотя возрастали потоки студентов из других стран, особенно из Украины Казахстана, отчасти из Беларуси, Азербайджана и Киргизии, доля российских студентов оставалась на уровне чуть менее половины. В 2021 г. численность российских студентов достигла в Чехии максимальной величины 8,1 тыс. (Cizinci 2025: tab. 4.15). Из них многие имели настрой на получение длительного обучения. В то время три четверти обучалось на уровне бакалавриата, но только несколько процентов собиралось ограничиться этой ступенью, тогда как большинство намеревалось продолжить учебу в магистратуре (Zpráva o situaci 2022: 261).

Однако затем количество российских студентов в вузах Чехии стало сокращаться. В 2022 г. уменьшилось до 7,6 тыс., в 2023 г. — до 6,2 тыс., в 2024 г. в Чехии осталось 5 тыс. российских студентов и теперь их доля составила 28%. Причина разительной перемены очевидна, связана с резким ужесточением антироссийских санкций европейских государств и откровенно недружественной политикой Чехии в отношении России (поводом стало несогласие с проведением российской специальной военной операции на Украине по защите населения Донбасса и Новороссии). С 2023 г. началось и сокращение количества студентов из Беларуси: если годом ранее

в Чехии обучалось более 1 тыс. белорусских студентов, то теперь стало 0,9 тыс., в 2024 г. — 0,8 тыс. В то же время из других постсоветских государств число студентов продолжало увеличиваться. Особенно много было принято студентов с гражданством Украины. В 2021 г. их насчитывалось 4,4 тыс. чел., в 2022 г. — уже 6,2 тыс., в 2023 г. — 6,8 тыс., в 2024 г. — 7,4 тыс. С 2023 г. число студентов с украинским гражданством стало наибольшим среди выходцев из постсоветских государств, составив 37%, затем в 2024 г. их доля достигла 42%. Увеличивалось и количество студентов из Казахстана с 2,6 тыс. в 2021 г. до 3,2 тыс. в 2024 г., при этом их удельный вес достиг 18% (Cizinci 2025: tab. 4.15). Часть российских студентов чешских вузов, не доучившись, вернулась в Россию.

Следует признать, что вузовский фактор привлечения интеллектуальной рабочей силы функционирует в Чехии довольно успешно. Однако переоценивать чешское высшее образование не следует. Россия заметно опережает Чехию по абсолютному количеству вузовских студентов, как и по их удельному весу в расчете на душу населения (Российский статистический 2018: 96). Вместе с тем, Россия затрачивает на вузовское образование меньшую долю своего бюджета (Россия и страны 2021: 91), и это создает конкурентные преимущества со стороны таких стран, как Чехия. В плане обустройства инфраструктуры образования России есть куда стремиться.

* * *

До введения Евросоюзом радикальных антироссийских санкций, направленных на ограничение и прекращение контактов с Россией, немалая часть россиян в Чехии работала в компаниях, ориентированных именно на российский рынок (*Vavrečková, Dobiášová* 2015: 68). Чешские социологи выявляли устойчивую заинтересованность у проживающих там россиян к контактам с соотечественниками, намерение заниматься совместной профессиональной деятельностью, участвовать в общественных организациях, посещать русскоязычные культурные мероприятия. Россияне и выходцы из других постсоветских государств остаются в Чехии наиболее активными пользователями русскоязычных сайтов и соответствующих информационных ресурсов. Согласно социологическим наблюдениям, россияне в повседневной жизни в Чехии склонны поддерживать взаимное общение, посещают «русские» магазины, кафе, рестораны (в одной только Праге имеются десятки «русских» школ, курсов, магазинов, клиник, служб авторемонта, услуг по уходу за детьми, парикмахерских, салонов красоты и т. д.). Исследователи также обращают внимание, что многие респонденты-россияне стремятся поддерживать контакты с родственниками и друзьями в России, совершать туда поездки, участвовать через российское посольство в проводимых на родине выборах (*Vavrečková, Dobiášová* 2015: 70).

На нынешнем этапе российские граждане сталкиваются в Чехии с многими ограничениями, с Россией теперь прекращено прямое авиасообщение, с 2022 г. остановлено действие соглашения об упрощении выдачи виз, на россиян наложены банковские ограничения (на открытие счетов и др.), наложен запрет на ведение бизнеса с российскими компаниями, введены ограничения и запреты на импорт российских товаров и экспорт в Россию (*Земанек* 2022–2: 64; *Земанек* 2025: 84, 86; *Свиридова* 2025: 44). Ограничения возникли не вдруг, они имелись и в прежние годы, особенно после вхождения Крыма в состав Российской Федерации, хотя в то время масштабы

рестрикций были меньшими (Свиридова 2022: 243). Русофобия тоже «начиналась» в Чехии намного раньше. Еще в 2000-е гг. распространялись антирусские плакаты и публикации, целенаправленной была негативная официальная риторика. Как результат, уже в те годы среди местных жителей циркулировали антирусские настроения, и это зафиксировано социологическими исследованиями; тогда уже происходили различные инциденты (вандализм в отношении памятников советским воинам-освободителям и проч.) (Щербакова 2016: 160; Форет 2016: 5, 6; Ильин 2020: 131–136; Карел 2022: 20; Трофимов 2023: 36; Трухачёв 2025: 23; Китаева 2025: 56). Однако накануне и после начала российской специальной военной операции на Украине русофобия обрела черты откровенной враждебности (Ведерников 2021: 20; Свиридова 2024: 34, 41, 43). В 2022 г. чешские исследователи указывали на частые провокации, направленные на российских граждан, сообщали о повреждении их собственности, акциях вандализма, словесных нападениях в общественных местах (магазинах, медучреждениях, гостиницах, ресторанах, на улицах), не говоря уже о массовых инсинуациях в виртуальном пространстве социальных сетей. Нападки происходили и в учебных заведениях, причем как в школах, так и университетах (Земанек 2022–1: 50, 51; Filipec, Przetaková 2026: 173). Искусственные барьеры стали воздвигаться для прекращения контактов в сфере науки и образования, осуществления культурных мероприятий и спортивных соревнований. Если прежде в Чехии регулярно проводились олимпиады по русскому языку, в которых участвовали чешские школьники, то теперь подобные мероприятия реализовывать весьма затруднительно или невозможно. Впрочем, пока продолжают действовать Русский дом в Праге, Чешская ассоциация русистов, Чешско-русское общество и ряд других общественных организаций.

Непродолжительный по историческим меркам этап формирования нынешней русской и русскоязычной диаспоры в Чехии является весьма поучительным. В этой стране обосновалось не такое уж большое количество россиян, но и десятки тысяч уехавших имеют для России немалое значение. Скрупулезная чешская статистика определенно показывает, что все эти люди, убывавшие в послесоветские годы на работу, учебу и проживание в такую европейскую страну, как Чехия, — это по большей части молодое и среднее поколение, многие из них увезли с собой семьи, детей. Если не все, то многие обладают высококачественной образовательной и профессиональной подготовкой, освоили иностранные языки, имеют специальность и квалификацию, крайне востребованную в российских регионах, в том числе в мегаполисах и столице. Вместе с тем, изучение материалов чешской статистики убеждает, что, проживая в той европейской стране, десятки тысяч людей, уехавших из России, не утратили с ней связь, сохраняют российское гражданство. Даже в условиях возрастающего риска политических провокаций в Чехии, а в последние годы и неприкрытой русофобии, эти люди в большинстве не боятся заявить о личной приверженности родному русскому языку и культуре. Современную российскую диаспору в Чехии можно называть собирателем российской и русской идентичности и среди тех, кто переезжает в эту страну из других постсоветских государств.

Очевидно, вне зависимости от преград — межгосударственных, экономических и прочих — русские, российские и русскоязычные жители Чехии были и остаются близкими России соотечественниками. Для Российской Федерации демографические и гуманитарные утраты населения, уехавшего в послесоветские годы за ее рубежи, служат уроком и вместе с тем ориентиром в осознании того, насколько ва-

жен человеческий потенциал. В современной России развитие экономики, культуры, социальной среды и общественной жизни уже не мыслится без целенаправленного улучшения средств образования и системы социальных лифтов, и это стимулирует зарубежных соотечественников к сотрудничеству со своей родиной. В прежние годы сотрудничество выражалось в стремлении «иметь бизнес» с российскими компаниями. Ныне же, как представляется, международный миграционный обмен России будет все более преобразовываться в движение двустороннее и взаимовыгодное.

Что касается Чехии, бесстрастные цифры ее государственных отчетов свидетельствуют: русские, если и «идут» в эту страну, то в очень умеренном количестве. В течение постсоветских десятилетий «приход» русских не становился для чешского общества источником социальных рисков, не таил угроз и криминального напряжения, не было и намека на культурную агрессию или признаки миграционного кризиса. Сама чешская статистика убедительно доказывает, что цели «прихода» русских были исключительно мирными и созидательными.

Источники и материалы

- Закон 273/2001 — Закон Чешской Республики № 273/2001 от 10.07.2001 «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам».
- Российский статистический 2018 — Российский статистический ежегодник. 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.
- Россия и страны 2021 — Россия и страны — члены Европейского союза. Статистический сборник 2021. М.: Росстат, 2021. 267 с.
- Сведения о международной 2023 — Сведения о международной миграции // Росстат: [электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mejdunar_migr_1997-2023.xlsx
- Численность и миграция 2024 — Численность и миграция населения в 2023 г. // Статистический бюллетень. М.: Росстат, 2024. Таб. 2.5. Международная миграция.
- Cizinci v České 2025 — Cizinci v České republice 2025. Foreigners in the Czech Republic 2025. Praha / Prague: Czech Statistical Office, 2025.
- Cizinci v České 2024 — Cizinci v České Republice podle výsledků sčítání lidu 2021. Sčítání lidu, domů a bytů. Odbor statistiky obyvatelstva [Иностранцы в Чешской Республике по результатам переписи населения 2021 года. Перепись населения и жилищного фонда. Департамент статистики населения]. Praha: Český statistický úřad, 2024.
- Number of Foreigners 2026 — Number of Foreigners, Demographic Events // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://csu.gov.cz>
- Obyv. 1 — Obyvatelstvo podle místa bydliště v době narození podle výsledků sčítání lidu. Sčítání lidu domů a bytů 2021 [Численность населения по месту жительства на момент рождения по результатам переписи населения 2021 г]. Praha: Český statistický úřad: [электронный ресурс]. 2024.
- Obyv. 2 — Obyvatelstvo, domy, byty a domácnosti podle výsledků sčítání lidu — 2021 [Население, дома, квартиры и домохозяйства по результатам переписи населения — 2021 год]. Praha: Český statistický úřad: [электронный ресурс]. 2025
- Obyv. 3 — Obyvatelstvo podle národnosti a krajů v roce 2021 (včetně dvou národností) [Население по национальностям и регионам в 2021 году (включая две национальности)] // Cesky statisticky úřad: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/narodnost>
- Obyv. 4 — Obyvatelstvo podle věku, státního občanství a pohlaví 2011 [Население по возрасту, гражданству и полу, 2011] // Cesky statisticky úřad: [электронный ресурс]. <https://vdb.czso.cz>
- Population by Ethnicity 1980–2021 — / Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://data.statistika.cz>
- Scitani lidu 2021 — Scitani lidu, domu a bytu 2021. Pramenné dílo [Перепись населения и жилищного фонда. Работа с источниками]. Praha: Cesky statisticky úřad: [электронный ресурс]. 2024.

- Tab. 2.1 — Tab. 2.1. Population by Citizenship and Sex Between 1991–2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 614e — Tab. 614e. Obyvatelstvo podle věku, státního občanství a pohlaví 2011 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Численность населения по возрасту, гражданству и полу 2011 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. 8.2 — Tab. 8.2. Population by Selected Ethnicity and Region 2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 9.2 — Tab. 9.2. Population by Selected Mother Tongue and Region 2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 9.3 — Tab. 9.3. Population by Selected Mother Tongue and Combinations of Mother Tongues 2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 152 — Tab. 152. Obyvatelstvo podle národnosti, pohlaví a podle věku 2011 / Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Численность населения по национальности, полу и возрасту 2011 / База данных, Чешское статистическое управление] <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21010-KR/2 Tab. SLD21010-KR/2. Obyvatelstvo podle vybraného mateřského jazyka, pohlaví a krajů 2021 / Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Население по отдельным родным языкам, полу и регионам. 2021 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21051-CR/2 — Tab. SLD21051-CR/2. Obyvatelstvo podle věku, státního občanství a pohlaví 2021 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Численность населения по гражданству, возрастным группам и полу 2021 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21SP004x/4 — Tab. SLD21SP004x/4. Obyvatelstvo podle národnosti a podle mateřského jazyka a pohlaví 2021 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Население по национальности, родному языку и полу / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21SP005x/4 — Tab. SLD21SP005x/4. Obyvatelstvo podle národnosti a podle nejvyššího dosaženého vzdělání, ekonomické aktivity, postavení v zaměstnání a odvětví ekonomické činnosti 2021 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Население по национальности, уровню образования, экономической активности, занятости и секторам экономики 2021 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Zpráva o situaci 2022 — Zpráva o situaci v oblasti migrace a integrace cizinců na území České republiky v roce 2021. Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna. 9. volební období [Доклад о ситуации в сфере миграции и интеграции иностранцев в Чешской Республике в 2021 г. Парламент Чешской Республики. Палата депутатов. 9-й избирательный созыв]. Praha, 2022.

Научная литература

- Ведерников М. В. Внешние и внутренние вызовы для Чехии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 6. С. 15–23. <https://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620211523>
- Гранатова Я., Барышникова Е. Н. История, современная ситуация и перспективы преподавания русского языка в Чехии // Русистика. 2012. № 3. С. 121–124.
- Гулина О., Позняк А. Между Европой и Россией: география миграционных потоков из Украины после 2014 г. // ЖИСП (Журнал исследований социальной политики). 2018. № 4. С. 561–576.
- Земанек Л. Русофобия и трансформация чешской либеральной демократии в связи с украинским кризисом // Перспективы. 2022. № 1 (28). С. 46–60. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-46-60>
- Земанек Л. Чехия и украинский кризис: экономические и внешнеполитические аспекты // Перспективы. 2022. № 2 (29). С. 62–82. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-62-82>
- Земанек Л. Чешская либеральная демократия в упадке // Перспективы. 2025. № 2 (41). С. 83–94. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-2-83-94>

- Ильин А. Н. Русофобия в Чехии // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). С. 125–138.
- Карел С. Чешско-российские отношения сквозь призму концепта мягкой силы // ВЕЦЖ (Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал). 2022. № 1 (13). С. 21–34.
- Китаева Т. С. Тенденции развития политики памяти в странах Центральной Европы (на примере Чехии и Словакии) // ВЕЦЖ (Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал). 2025. № 1–2. С. 41–61. <https://doi.org/10.24412/2686-9756-2025-1-2-41-61>
- Население России: демографические итоги 2013 года // Демографическое обозрение. Т. 1. № 3. 2014. С. 5–32. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i3.1808>
- Пешикова М., Джинджолия Г. Новейшие методики преподавания русского языка и литературы в Западночешском университете в городе Пльзене // Русский язык и литература в современном мире. 2025. № 1. С. 293–303.
- Розбуйдова Л., Конечны Я., Маркова Е. М. Школьные учебники русского языка в Чехии сегодня: плюсы и минусы // Русистика. 2019. № 1. С. 90–102. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-1-90-102>
- Свиридова М. В. Товарная торговля России с Чехией и Словакией в 2012–2021 годах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 6. С. 238–251. <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.06.12>
- Свиридова М. В. Торговое взаимодействие Чехии и Словакии с Россией — изменения с 2022 года // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2025. № 4. С. 27–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2025-4-27-53>
- Свиридова М. В. Экономические отношения Чехии и Словакии с Россией в 2022–2023 годах // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 6. С. 34–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-6-34-53>
- Трофимов П. А. Внешняя политика Чехии в отношении стран Восточной Европы в 1993–2021 гг.: общее и частное // ВЕЦЖ (Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал). 2023. № 3 (19). С. 35–53.
- Трухачёв В. В. Парламентские выборы 2025 г. в Чехии: исправление антироссийской аномалии // Перспективы. 2025. № 4 (43). С. 23–40. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-4-23-40>
- Форет И. В. Россия как универсальный «Другой» (динамика российских образов в чешских СМИ в 2015 году) // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 1–10.
- Чеснокова П., Чесноков И. И. Русский язык в современной Чехии (фрагмент социолингвистического исследования) // Известия ВГПУ. 2019. № 10 (143). С. 214–218.
- Четверикова А. С. Иммиграция в Чехию: притягательность растёт // Современная Европа. 2015. № 3 (63). С. 49–57. <https://doi.org/10.13211/soveurope32154957>
- Четверикова А. С. Чехия как внешнеэкономический партнёр России. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 130 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0553-6>
- Щербакова Ю. А. Чехи и словаки: отношения в конце XX — начале XXI в. // Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. / отв. ред. Игрицкий Ю. И., Шаншиева Л. Н. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 150–166.
- Drbohlav D. Migration Trends in Selected EU Applicant Countries. V. II — The Czech Republic. Vienna: International Organization for Migration (IOM), 2004. 146 p.
- Filipec O., Przetaková N. Navigating Highly Skilled Migration in Czechia: Soft Landing or Chilly Reception? // Český lid. 2026. No 113 (2). P. 153–182. <https://doi.org/10.21104/CL.2026.2.02>
- Ignatyeva E. Symbolic and Social Boundaries of the Integration of Russian Immigrants in Czechia // AUC Geographica. 2020. No 55 (2). P. 1–12. <https://doi.org/10.14712/23361980.2020.1>
- Jirka L. Extended Kinship and Mobility: The Influence of Non-Nuclear Family Ties on the Migration of Young Ukrainians // Český lid. 2025. No 112. P. 233–251. <https://doi.org/10.21104/CL.2025.2.04>
- Klvaňová R. ‘The Russians Are Back’: Symbolic Boundaries and Cultural Trauma in Immigration from the Former Soviet Union to the Czech Republic // Ethnicities. 2018. 19 (1). P. 136–155. <https://doi.org/10.1177/1468796817752740>

- Pipková K., Salačová K. Ruská národnostní menšina v Čechách // Hospodářská a kulturní studia PEF ČZU v Praze, 2009. http://www.hks.re/wiki/rusove_v_cechach
- Vavrečková J., Dobiášová K. Začlenění ruské komunity do většinové společnosti (Incorporation of Russian community into majority society) // Výzkumný ústav práce a sociálních věcí, v.v.i., Univerzita Karlova v Praze, Fakulta sociálních věd. Praha: VÚPSV, 2015. 80 p.

References

- Chesnokova, P., and I. I. Chesnokov. 2019. Russkii yazyk v sovremennoi Chekhii (fragment sotsiolingvisticheskogo issledovaniia) [Russian Language in Modern Czechia (The Fragment of Sociolinguistic Research)]. *Izvestiia VGPU* 10(143): 214–218.
- Chetverikova, A. S. 2015. Immigratsiia v Chekhii: pritagatel'nost' rastet [[Immigration to the Czech Republic: Growing Attractiveness]. *Sovremennaiia Evropa* 3(63): 49–57. <https://doi.org/10.13211/soveurope32154957>
- Chetverikova, A. S. 2019. *Chekhii kak vneshneekonomicheskii partner Rossii* [The Czech Republic as a Foreign Economic Partner of Russia]. Moscow: IMEMO. 130 p. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0553-6>
- Drbohlav, D. 2004. *Migration Trends in Selected EU Applicant Countries*. Vol. II — *The Czech Republic*. Vienna: International Organization for Migration (IOM). 146 p.
- Filipec, O., and N. Przetaková. 2026. Navigating Highly Skilled Migration in Czechia: Soft Landing or Chilly Reception? *Český lid* 113(2): 153–182. <https://doi.org/10.21104/CL.2026.2.02>
- Foret, I. V. 2016. Rossiia kak universal'nyi «Drugoi» (dinamika rossiiskikh obrazov v cheshskikh SMI v 2015 godu) [Russia as Universal «Other» (Dynamics of Russian Images in Czech Media in the 2015)]. *APRIORI. Seria: Gumanitarnye nauki* 2: 1–10.
- Granatova, Ya., and E. N. Baryshnikova. 2012. Istoriia, sovremennaiia situatsiia i perspektivy prepodavaniia russkogo iazyka v Chekhii [Teaching Russian in Czech Republic: History, Modern State and Perspectives]. *Rusistika* 3: 121–124.
- Gulina, O., and A. Pozniak. 2018. Mezhdú Evropoi i Rossiei: geografiia migratsionnykh potokov iz Ukrainy posle 2014 g. [Ukrainian Migration to Russia and Europe: New Trends and its Consequences]. *Zhurnal issledovanií sotsial'noi politiki* 4: 561–576.
- Ignatyeva, E. 2020. Symbolic and Social Boundaries of the Integration of Russian Immigrants in Czechia. *AUC Geographica* 55(2): 1–12. <https://doi.org/10.14712/23361980.2020.1>
- Iliin, A. N. 2020. Rusofobiia v Chekhii [Russophobia in the Czech Republic]. *Svobodnaia mysl'* 4 (1682): 125–138.
- Jirka, L. 2025. Extended Kinship and Mobility: The Influence of Non-Nuclear Family Ties on the Migration of Young Ukrainians. *Český lid* 112: 233–251. <https://doi.org/10.21104/CL.2025.2.04>
- Institut demografii NIU VShE. 2014. Naselenie Rossii: demograficheskie itogi 2013 goda [Population of Russia: Demographic Results 2013. A Brief Report]. *Demograficheskoe obozrenie* 1(3): 5–32. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i3.1808>
- Karel, S. 2022. Cheshsko-rossiiskie otnosheniia skvoz' prizmu kontsepta miagkoi sily [Czech-Russian Relations through the Prism of the Soft Power Concept]. *Visegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal* 1(13): 21–34.
- Kitaieva, T. S. 2025. Tendentsii razvitiia politiki pamiati v stranakh Tsentral'noi Evropy (na primere Chekhii i Slovakii) [Trends in the Development of Memory Politics in Central European Countries (on the Example of Czechia and Slovakia)]. *Visegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal* 1–2: 41–61. <https://doi.org/10.24412/2686-9756-2025-1-2-41-61>
- Klvaňová, R. 2018. 'The Russians Are Back': Symbolic Boundaries and Cultural Trauma in Immigration from the Former Soviet Union to the Czech Republic. *Ethnicities* 19(1): 136–155. <https://doi.org/10.1177/1468796817752740>
- Peshkova M., and G. Gingolija. 2025. Noveishie metodiki prepodavaniia russkogo iazyka i literatury v Zapadnocheshskom universitete v gorode Pl'zene [Modern Teaching Methodologies

- for Russian Language and Literature at the University of West Bohemia in Pilsen]. *Russkii yazyk i literatura v sovremennom mire* 1: 293–303.
- Pipková, K., and K. Salačová. 2009. Ruská národnostní menšina v Čechách [Russian National Minority in Bohemia]. *Hospodářská a kulturní studia PEF ČZU v Praze*. http://www.hks.re/wiki/rusove_v_cechach
- Rozboudova, L., J. Konecny, and E. M. Markova. 2019. Shkol'nye učebniki ruskogo yazyka v Chekhii segodnia: pliusy i minusy [Modern Russian Textbooks for Schools in Czech Republic: Advantages and Disadvantages]. *Rusistika* 1: 90–102. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-1-90-102>
- Shcherbakova, Yu. A. (2016). Chekhi i slovaki: otnosheniia v kontse XX — nachale XXI v. [Czechs and Slovaks: Relations in the Late 20th — Early 21st Century]. In *Vostochnaia Evropa: Mezghosudarstvennye i etnosotsial'nye otnosheniia v XXI v.* [Eastern Europe: Interstate and Ethnosocial Relations in the 21st Century], ed. by Yu. I. Igritskii and L. N. Shanshieva. Moscow: INION RAN. 150–166.
- Sviridova, M. V. 2022. Tovarnaia trgovlia Rossii s Chekhiei i Slovakiei v 2012–2021 godakh [Commodity Trade of Russia with the Czech Republic and Slovakia in 2012–2021]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* 6: 238–251. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.12>
- Sviridova, M. V. 2024. Ekonomicheskie otnosheniia Chekhii i Slovakii s Rossiei v 2022–2023 godakh [Economic Relations of the Czech Republic and Slovakia with Russia in 2022–2023]. *ETAP: Ekonomicheskaiia Teoriia, Analiz, Praktika* 6: 34–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-6-34-53>
- Sviridova, M. V. 2025. Torgovoe vzaimodeistvie Chekhii i Slovakii s Rossiei — izmeneniia s 2022 goda [Trade Relations Between the Czech Republic, Slovakia, and Russia: Changes Since 2022]. *ETAP: Ekonomicheskaiia Teoriia, Analiz, Praktika* 4: 27–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2025-4-27-53>
- Trofimov, P. A. 2023. Vneshniaia politika Chekhii v otnoshenii stran Vostochnoi Evropy v 1993–2021 gg.: obshchee i chastnoe [Czech Foreign Policy Towards Eastern European Countries in 1993–2021: General Trends and Specificities]. *Visegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal* 3(19): 35–53.
- Trukhachev, V. V. 2025. Parlamentskie vybory 2025 g. v Chekhii: ispravlenie antirossiiskoi anomalii [The 2025 Czech Parliamentary Elections: Rectifying the Anti-Russian Anomaly]. *Perspektivi* 4(43): 23–40. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-4-23-40>
- Vavrečková J., and K. Dobiášová. 2015. *Začlenění ruské komunity do většinové společnosti* [Incorporation of Russian Community into Majority Society]. Praha: VÚPSV (Výzkumný ústav práce a sociálních věcí, v.v.i., Univerzita Karlova v Praze, Fakulta sociálních věd). 80 p.
- Vedernikov, M. V. 2021. Vneshnie i vnutrennie vyzovy dlia Chekhii [External and Domestic Challenges for Czech Republic]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN* 6: 15–23. <https://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620211523>
- Zemanek, L. 2022a. Rusofobia i transformatsiia cheshskoi liberal'noi demokratii v sviazi s ukrainskim krizisom [Russophobia and the Transformation of Czech Liberal Democracy in the Context of the Ukrainian Crisis]. *Perspektivi* 1(28): 46–60. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-46-60>
- Zemanek, L. 2022b. Chekhiia i ukrainskii krizis: ekonomicheskie i vneshnepoliticheskie aspekty [Czechia and the Ukrainian Crisis: Economic and Foreign Policy Aspects]. *Perspektivi* 2(29): 62–82. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-62-82>
- Zemanek, L. 2025. Cheshskaia liberal'naia demokratsiia v upadke [The Decline of Czech Liberal Democracy]. *Perspektivi* 2(41): 83–94. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-2-83-94>